

Раз уж зашёл об этом разговор... В своё время, когда У Даоци выпросил рецепт вина и поделился своими грандиозными планами, он тут же пристал к Цзин Юньшу с просьбой дать напитку имя. Тот лишь отмахнулся: мол, не моё это дело, сам думай.

Кутить на широкую ногу и потакать собственным капризам У Даоци умел мастерски, да и пустить пыль в глаза, притворяясь ценителем изящного, тоже был горазд, но вот с поэтическими названиями у него не ладилось совершенно.

Оказавшись в тупике, эти двое доморощенных «мудрецов» призадумались. Решили позвать на подмогу Чжун И и лекаря Цинь Юнвана. От Чжун И толку было мало — обычный вояка, неотёсанный сухарь, куда ему до высоких материй. Лекарь Цинь, напротив, имя предложил, да только выудил его прямым из медицинского трактата. Юньшу, как вспомнил его помощников по прозвищу Мутун и Лунданицао, так у него сразу во рту пересохло от мысленной горечи. Нет уж, избавьте! Юньшу в тонкостях традиционной медицины не смыслил, значения этих диковинных терминов не понимал и рассудил здраво: не хватало ещё, чтобы их товар, не успев появиться на прилавках, стал посмешищем для всего города.

Поломав голову ещё немного, Юньшу вспомнил про свои старые черновики. Когда он только учился писать каллиграфию, исписал немало бумаги, а Чжили бережно собрала эти листы и припрятала в сундук.

В своё время, когда ему срочно потребовалось освоить традиционное письмо, он столкнулся с неодолимой преградой. Древние каноны и трактаты казались дремучим лесом, где спотыкаешься на каждом шагу, не говоря уж о туманном смысле фраз. Чтобы облегчить себе жизнь, Юньшу не нашёл ничего лучше, как заказать через межпространственную лавку увесистый сборник стихов эпох Тан и Сун. Там хотя бы имелась транскрипция-пиньинь, да и большинство произведений он помнил ещё со школьной скамьи. Изучать иероглифы по поэзии оказалось куда проще, да и перед слугами лишний раз глупыми вопросами позориться не приходилось.

Свою тайную книгу он, конечно, от чужих глаз прятал, но каллиграфию выводил именно по ней. В итоге у него скопилась приличная стопка рисовой бумаги, сплошь исписанная сунскими строфами. Юньшу вывалил это богатство перед товарищами и велел искать подходящее название прямо в стихах.

Выглядело это точь-в-точь как семейный совет новоиспечённых родителей, которые лихорадочно листают древнюю «Книгу песен» в поисках красивого имени для первенца.

У Даоци, перебирая хрустящие листы, удивлённо приподнял брови:

— И всё это — ваших рук дело, господин?

Приписывать себе чужое авторство Юньшу и не думал. Поэтический гений — не та вещь, которую можно сыграть на пустом месте. Он ведь не гуманитарий какой-нибудь, стихов помнил раз-два и обчёлся, так что выезжать на чужом таланте вечно бы всё равно не удалось. Да и

почерк... Тот, что в современном мире сошёл бы за вполне приличный и аккуратный, здесь, среди истинных мастеров кисти, казался жалкими каракулями. Даже у Чжун И, простого охранника, штрихи выходили куда твёрже и увереннее. Соваться со своим суконным рылом в калашный ряд Юньшу не собирался, а потому давно и смиренно мирился со званием «неуча».

— Нет, — качнул головой Юньшу. — Из чужих трудов переписал.

У Даоци, однако, не унимался, озадаченно вглядываясь в строчки:

— Любопытно... Вот эти листы — такие нежные, изящные, будто девичьей рукой начертаны. А эти — дерзкие, необузданные, сразу видно — мужской слог. Вот, послушайте: «Тридцать лет славы — лишь пыль и прах, восемь тысяч ли дорог под облаками и луной»... Это про кого же сложено?

Древних грамотеев на мякине не проведёшь. Поняв, что его прижимают к стенке, Юньшу раздражённо вырвал листок у него из рук:

— Чего разболтался? Какая тебе разница? Всё это добро принадлежит мне, бери и пользуйся. Никаких призраков из прошлого не явится, права заявлять некому.

У Даоци округлил глаза и заговорщически прошептал, проведя ребром ладони по горлу:

— Неужто автора этих строк уже... того? Концы в воду?

Юньшу отвесил ему вежливый пинок под зад и рявкнул:

— Имя выбирать будешь или мне тебя пинками выставить?!

— Буду, буду, уже ищу! — торопливо замахал руками У Даоци, утыкаясь носом в бумаги.

И надо же было такому случиться, что взгляд его упал именно на свиток с «Мелодией о сорочьем мосте».

— «Коль золотому ветру с нефритовой росой суждено сойтись — то краше встречи сей не сыщешь в целом свете»... — У Даоци засмаковал строчки на языке. — А что, если назвать вино «Золотой ветер и нефритовая роса»?

Юньшу недоуменно прищурился:

— Ты же хотел разливать его для расстающихся друзей? А эти стихи — о любви мужчины и женщины. При чём тут дружба?

У Даоци ещё раз перечитал текст и искренне удивился:

— Разве автор не взял за основу легенду о Волопасе и Ткачихе лишь для того, чтобы иносказательно воспеть крепкие узы дружбы?

Юньшу растерялся. Вроде бы школьная учительница литературы толковала это стихотворение совсем иначе... Но школьные годы давно растаяли в тумане, и былой уверенности не осталось.

— Думаешь? Что-то я сомневаюсь...

— Позвольте, но разве эти вирши не ваши? — хмыкнул У Даоци. — И вы сами не помните, что имели в виду?

Юньшу тактично промолчал, подумав про себя: «После твоих расспросов я уже вообще ни в чём не уверен».

Впрочем, если подумать, древние китайские литераторы обожали иносказания. В эпоху Тан поэт Чжу Цинъю, желая прозондировать почву перед государственными экзаменами у влиятельного чиновника Чжан Цзи, написал изящное стихотворение, где примерил на себя роль робкой новобрачной:

«Ночью в покоях брачных свечи горели,

Утра дождавшись, свекру со свекровью поклониться спешу.

Смыв белила и очистив лицо, мужа тихонько спрошу:

Хорошо ль нарисованы брови? Нравятся ль им, не грешу?»

Получив это послание, Чжан Цзи сразу разгадал тонкий намек и с улыбкой ответил молодому соискателю в той же манере, сравнив его талант с природной прелестью юной девы:

«Дева из Юэ, прихорашиваясь у зеркала вод,

Знает, как ослепительна, но робко шагает вперёд.

Тонкий шёлк царства Ци не прельстит утончённый наш взор,

Но за песню её о водяных орехах не жаль отдать и горы золота».

Этим он ясно дал понять: «Твой слог великолепен, юноша, экзаменаторы непременно оценят его по достоинству».

И коль скоро в древности образ скромной невесты мог служить метафорой для амбициозного чиновника, то почему бы разлуке Волопаса и Ткачихи не стать символом крепкой мужской дружбы? Логика железная, не подкопаешься.

Перед лицом столь изощрённой средневековой герменевтики Юньшу предпочёл благоразумно промолчать. В конце концов, куда ему, простому пришельцу из двадцать первого века, тягаться с исконными носителями этой культуры.

У Даоци, глядя на его задумчивое лицо, тоже решил не лезть на рожон. Про себя он давно уяснил: секреты этого загадочного юноши лучше не ворошить — здоровее будешь.

Он с щелчком расправил лист рисовой бумаги и довольно заулыбался:

— Решено! «Встреча золотого ветра и нефритовой росы» — звучит великолепно, да и сулит лишь доброе. Забираю!

Так эти двое, не обременённые глубокими познаниями в филологии, сошлись на самом поэтичном варианте, толком не разобравшись в скрытых смыслах.

С лёгкой руки У Даоци по миру пустили слезливую легенду. Якобы жил-был некий загадочный наставник, который перед тем, как навсегда покинуть здешние края и отправиться странствовать по свету, оставил своему преданному другу прощальный дар — рецепт удивительного хмельного нектара. Напоследок он сложил щемящую душу песнь о расставании и нарёк напиток «Золотым ветром и нефритовой росой».

Обыватели и заезжие грамотеи ломали копья в бесконечных спорах. Одни утверждали, что песня воспекает святыне узы мужского братства, другие качали головами и доказывали, что таинственный господин явно тосковал по утерянной возлюбленной.

Дело зашло так далеко, что в народе стали шёпотом пересказывать пикантные небылицы под общим названием «Запретная страсть господина У и его тайного покровителя». Когда до Юньшу впервые долетели эти слухи, он поперхнулся чаем, закашлялся и устроил У Даоци такую головомойку, что у того долго горели уши.

Но людскую молву разве остановишь? Жажда сплетен у простых обывателей неистребима. Уличные сказители наперебой сочиняли драмы, а девицы в весёлых кварталах распевали томные романсы, превращая историю создания стихов в душераздирающую повесть о запретной любви, полную вздохов и тайных свиданий.

Из обрывочных откровений самого У Даоци в умах доверчивой публики сложился

возвышенный образ господина Цзинъюя — чистого, словно горный ветер, и благородного, как лунный свет. Мол, этот праведный муж годами страдал от ветреного нрава своего легкомысленного друга и, не вынеся сердечных мук, бесследно растворился в тумане.

Другие кумушки уверяли, будто сердца мужчин соединились в тайном союзе, но жестокий свет не простил им этой греховной привязанности. И тогда один обрёк себя на изгнание, а второй пустился во все тяжкие, пытаясь заглушить тоску в объятиях продажных красавиц.

Напуганный угрозами разъярённого Юньшу, У Даоци попытался было оправдаться и публично объявил, что их связывали исключительно чистые дружеские чувства. Куда там! Слухи плодятся быстрее кроликов. Вскоре поползли сплетни о том, что суровые родители разлучили несчастных влюблённых, безжалостно разбив союз уток-мандаринок.

Нашлись и те, кто восхитился благородством У Даоци: дескать, бедняга готов пожертвовать репутацией и лгать перед всем миром лишь ради того, чтобы уберечь честное имя своего ненаглядного от грязных пересудов.

Особо предприимчивые дельцы даже умудрились выпустить иллюстрированные книжки с картинками столь фривольного содержания, что при одном взгляде на них бросало в жар: сплетения обнажённых тел в альковах, шёлковые простыни и бурные страсти, описанные со всеми бесстыдными подробностями.

У Даоци, не удержавшись, раздобыл себе один экземплярчик. Полюбовавшись на изящную графику искусных художников, он спрятал книжицу подальше с глаз долой. Показать это творение Юньшу он не решился бы под страхом смерти — не хватало ещё, чтобы бедный юноша со своим слабым сердцем испустил дух от такого позора.

Зато среди золотой молодёжи и праздных гуляк Башни Красных Рукавов вошло в моду томно закатывать глаза и непременно заказывать местным певичкам «Мелодию о сорочьем мосте».

Разумеется, умные люди понимали, что всё это — не более чем забавная чепуха для увеселения сытой публики. Однако у молодых господ вошло в привычку поддразнивать друг друга двусмысленным вопросом: «А слышал ли ты, друг мой, о встрече на сорочьем мосту?»

Со временем само упоминание этой несчастной поэмы стало синонимом нетрадиционных увлечений, прочно встав в один ряд со знаменитыми метафорами о «надкушенном персике» и «обрезанном рукаве».

Слава богам, сам Юньшу обо всех этих пикантных тонкостях даже не догадывался. Прознай он, во что превратилась его невинная каллиграфия, У Даоци не сносить бы головы.

Что до У Даоци, то он, хоть и слыл известным волокитой и ценителем прекрасного, к своему деловому партнёру питал чувства исключительно платонические. Ему нравились женщины. Просто внешность Юньшу была из тех редких даров природы, перед которыми благоговеет

любой смертный независимо от пола. Безупречно бледная кожа, тонкие, благородные черты лица, глаза, сияющие подобно холодным зимним звёздам, и этот вечно настороженный, горделивый взгляд... Стоило Юньшу прищуриться, глядя на своего компаньона, как у того невольно замирало сердце. У Даоци искренне преклонялся перед его острым умом и деловой хваткой, а на самого юношу взирал как на редчайшее произведение искусства, от созерцания которого захватывает дух.

Ему оставалось лишь пылинки сдувать со своего драгоценного партнёра да всячески ублажать его капризы.

Куда бы ни забрасывала его судьба, он всегда выискивал разные забавные безделушки и диковины, чтобы порадовать Юньшу, а если не мог приехать сам, отправлял подарки с верными людьми.

Напиток, представленный публике в поместье Пэнлай, произвёл настоящий фурор. К тому же Юньшу в своё время поделился с компаньоном тонкостями уловки под хитрым названием «искусственный дефицит», и У Даоци, проявив завидную смекалку, развернулся вовсю.

Просто так купить бутылку вина «Золотой ветер и нефритовая роса» было невозможно ни за какие деньги. Её подносили в дар лишь тем гостям поместья, которые собирались пуститься в дальний путь или прощались с близкими. Прослышав о столь необычном обычае, люди потянулись в Пэнлай за своей долей светлой грусти, и слава о вине покатила по всей стране.

Крепкий белый алкоголь, мягкий на вкус, но обжигающий горло, дарил приятное хмельное тепло и развязывал языки. Подвыпившие пииты принимались безудержно изливать душу в стихах, и вскоре это вино признали лучшим зельем для разжигания поэтического вдохновения. А знаменитая строчка о встрече ветра и росы, обещавшая свидание когда-то в неведомом будущем, лишь сильнее подчёркивала горечь неминуемого расставания, превратившись в лучшее напутствие для путников.

Так благодаря болтливости У Даоци мир впервые услышал о таинственном отшельнике, а приписанное ему стихотворение разлетелось на цитаты. Люди восхищались чистотой его помыслов и благородством натуры, не сомневаясь, что сам поэт чист и безупречен, словно кусок отборного нефрита. С тех пор его иначе и не величали, как Господин Цзиньюй.

И пока благородные мужи вздыхали над стихами этого мифического праведника, сам воображаемый мудрец, кутаясь в три одеяла, тихонько подвывал от холода в своём Дворе Чистого Бамбука.

Из-за врождённой слабости Юньшу не переносил зимнюю стужу и с наступлением первых заморозков превращался в неповоротливого мохнатого медведя.

Только когда Чжили расставила вокруг него несколько жаровен с углями и подсунула под бок пузатые грелки с горячей водой, он наконец перестал стучать зубами.

— Господин, как же быть? — сокрушённо вздохнула Чжили, поправляя на нём плед. — До весны ещё далеко. Может... велеть слугам перестроить полы и провести отопление?

Юньшу вяло махнул рукой:

— Не надо. Нам тут от силы месяц продержаться. Если я, как почтительный сын семейства, устрою себе тёплый пол, то что скажут обитатели Восточного двора? Спросят, почему у них нет такого же. А оправдываться тем, что у меня денег куры не клюют, только на себя одного... Некрасиво выйдет, не по-людски.

— Да пусть хоть лопнут от зависти! — фыркнула Чжихуа, которой не было дела до чужого мнения. — Сами заплатим, делов-то. Ваше здоровье, господин, куда важнее паршивых приличий.

— Нет, деньги мне дороже, — отрезал Юньшу. — На ветер швырять серебро я не стану. Лучше вели закупить побольше хорошего угля. — Он посмотрел на Чэнь Ляна, который споро раскладывал вещи и уже успел утереть взмокший лоб. — К тому же это лишь мои капризы. Мне холодно, а вам, небось, уже дышать нечем. Вон, А-Лян уже весь упарился.

Чэнь Лян добродушно ухмыльнулся:

— Да разве можно нас ровнять, господин? Вы — нежного сложения, а мы к чёрной работе привычные, нам любой мороз нипочём.

Спорить с хозяином никто не решился. К счастью, Юньшу быстро сменил тему:

— Ладно, будет вам. Что-то я проголодался с дороги. Велите приготовить горячего кислого супа, чтобы согреться, а потом я пойду поклонюсь матушке.

Чжили поспешила на кухню. Юньшу с удовольствием съел чашку обжигающего, пряного супа, переделся в свежие свободные одежды — дорожное платье после долгого плавания совсем измялось — и приготовился к выходу.

Пусть Юньшу и не стремился к кричащей роскоши, но в быту любил порядок и опрятность. Сказывалось благородное происхождение в прошлой жизни: несмотря на тяжёлый недуг, он привык окружать себя красивыми вещами и строго следовал своим принципам.

Накинув тёплый плащ, он взял в руки нефритовую грелку с ушками зверя и вышел во двор. Следом безмолвной тенью пристроились Чжун И и Чжили.

Его флигель стоял на отшибе, и дорожка, ведущая к покоям старой госпожи, обычно пустовала, радуя тишиной. Однако стоило им свернуть в узкий крытый переход между стенами, как до слуха Юньшу донеслись весьма недвусмысленные, бесстыдные вздохи.

<http://bllate.org/book/18296/1760843>